

18+

О
R

*** ФУРСИН ОЛЕГ ***
МАНАНА КАКАБАДЗЕ

ОРМУС. МИСТЕРИИ

The symbol for "Ormus"

КНИГА I

Олег Фурсин

Ормус. Мистерии. Книга I

«Издательские решения»

Фурсин О.

Ормус. Мистерии. Книга I / О. Фурсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511084-8

Его имя пришло из глубины веков. Из зороастрийской мысли и гностических текстов, где это слово является синонимом понятия Света. В масонской традиции Ормус был египетским мистиком, гностическим последователем из Александрии, где, как считается, он жил в первые годы христианской эры. Обращенный, согласно легендам, в 46 году в христианство вместе с шестью своими товарищами святым Марком, учеником Иисуса, он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства...

ISBN 978-5-00-511084-8

© Фурсин О.
© Издательские решения

Содержание

Ормус. Начало Мистерии	6
Ормус. Мистерии Исхода	15
Глава 1. Хатшепсут	15
Глава 2. Плавание	20
Глава 3. Путь	25
Глава 4. В скалистом безмолвии	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ормус. Мистерии

Книга I

Олег Фурсин

Манана Какабадзе

© Олег Фурсин, 2020

© Манана Какабадзе, 2020

ISBN 978-5-0051-1084-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-1083-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Его имя пришло из глубины веков. Из зороастрийской мысли и гностических текстов, где это слово является синонимом понятия Света. В масонской традиции Ормус был египетским мистиком, гностическим последователем из Александрии, где, как считается, он жил в первые годы христианской эры. Обращенный как будто бы в 46 году в христианство вместе с шестью своими товарищами святым Марком, учеником Иисуса, он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства и более древних верований. Один из символов, которым обозначалось это имя, содержит прописную букву «М», которая как бы окружает другие буквы – астрологический символ Девы. Девы, обозначающей Богоматерь на языке средневековой иконографии! Сионская Община, первый масонский орден, известный в истории, носил и второе название, априори удивительное, если допустить, что Ормус Египетский – реальное историческое лицо. Ведь это означало бы намек на стояние Ормуса у истоков христианства и масонской традиции.

Это ещё одна наша попытка воссоздать образ исторической личности, о которой известно так мало. Проверить вышеперечисленные утверждения невозможно. Равно так же невозможно уличить нас во вранье: литературный герой имеет право отличаться от своего прототипа именно на ту величину, какая угодна автору. Единственное, во что мы просим поверить читателя: мы пристально изучали эпоху и исторические реалии того времени. Каждое наше предположение о личности Ормуса проверено логикой и привязано к местности и времени.

Он Ур Маа, великий провидец, он Сену, то есть врач, и он же Ур Хеку – обладатель священных сил... Он – египетский жрец, и его зовут Ормус. Он прошел школу просвещения в древнем Иуну Египта, а теперь жрец, мистификатор, умница и герой, увы, по совместительству ещё и – убийца и палач. Перед Вами начало Легенды.

Ормус. Начало Мистерии

Он родился и провёл своё пусть нищее, но довольно безоблачное детство на берегу Чермного моря, в небольшой рыбацкой деревушке. От стовратных Фив, а значит – от Нила, храмов и статуй, от Долины Царей с её гробницами отделяло его целое море песков пустыни, к тому же собственное происхождение, и бедность. ^[1]

Кристалльно чистая вода его моря, всегда теплая, всегда ласковая, прозрачная. Мириады рыб, подплывающих к берегам, к коралловым рифам. Звёздное небо над головой, тихий плеск не знающей серьезных бурь воды. И – солнце, солнце круглый год, бесконечное тепло солнечного света. «Не было ли это самым счастливым временем в его жизни», – часто спрашивал себя Ормус позднее, когда всё безвозвратно ушло в прошлое.

Случайности – какое место занимают они в нашей жизни? Каким из ветров занесло в эту деревушку верховного жреца Амона, служителя Бога – творца мира, покровителя Великих Фив?

Сосредоточенный взгляд верховного жреца пал на маленького Ормуса, бывшего предводителем стайки чумазых полуголых мальчишек. И значит, было нечто в нём, Ормусе, такое, что не позволило жрецу отвести взгляд сразу и безразлично в сторону, или проникнуться гневом на того, кто нарушил его покой. Ормус отчетливо помнил мгновения этой встречи всю последующую жизнь.

Вот он летит с разбега в море, что-то громко кричит на ходу. Нырять, плывёт под водой долго, пока хватает воздуха в лёгких. Вынырнул, смеясь, развернулся к берегу, хочет позвать друзей. Но видит их маленькие фигурки, бегущие в сторону деревни со всей доступной скоростью. А на берегу – высокий человек в белых одеяниях жреца, с выбритой наголо головой. И за ним – ещё люди, и кто-то из них грозит ему палкой, кто-то руками, жестами приказывает выбираться на берег. Никто не нарушает молчания в присутствии этой бесстрастной живой статуи, но жесты весьма красноречивы. И перепуганный Ормус торопится вылезти из воды.

– Остановись! – раздался вдруг голос жреца, когда мальчик уже миновал с низко опущенной головой эту величественную тень.

– Разве ты не знаешь, что я приказал не пускать на этот берег никого из вашего поселения, чтобы ничто не мешало мне в эти дни? Ты грязен, криклив, глуп, ты осквернил и берег, и воду своим присутствием.

Как бы ни был напуган, а скорее – смущён своим проступком Ормус, но в его короткой к тому времени и чистой жизни ещё не было больших страхов. Он привык к рассветам и закатам, щедрости моря и солнца, не знал иных людей, кроме жителей деревушки, а они, дети этой природы, не были злы. Самым большим наказанием в его жизни были шлепки отца, и хотя его пугали смертью за нарушение покоя высокого гостя, но что есть смерть для мальчишки в его годы? Её просто не существует в его маленьком сознании. И потому он поднял голову, и улыбнулся навстречу этому жгучему взору. Пусть все вокруг трепетали под взглядом жреца, но для него, Ормуса, он был сейчас еще одним, вроде отца, строгим наставником, не желающим на самом деле зла.

– Потому что я всегда купался здесь, когда не было господина, и вода с песком всё равно уже грязные, ничего!

Лёгкая улыбка тронула губы жреца на мгновение, да тут же пропала.

– Хорошо, иди.

Он умчался как ветер, к дому, к своей не слишком ласковой, обремененной детьми, но любимой матери, к спокойному отцу. А дней через десять, на рассвете, за ним пришли. Громко плакала мать, ей вторили перепуганные насмерть сёстры и младший брат, отец скрипел зубами, пытался упрашивать посланных, хватая их за руки, простираясь ниц, но тщётно. Его,

Ормуса, носившего тогда теперь полузабытое им и не употребляемое никем имя, полусонного, ничего не понимающего, уже вытащили за порог, на который бросили несколько монет...

Детство закончилось. Он был обязан этим своему бесстрашному ответу на берегу и обаятельной улыбке. Да ещё всеильной воле верховного жреца.

Так Ормус попал в город мертвых, у подножия священных Фиванских гор, за которыми садится солнце, в царство Осириса, царя загробного мира. Выжженное солнцем пустыни место – обитель вечного покоя. Длинные коридоры в известняковой скале, круто уходящие вниз, на глубину. Потолки в коридорах, опускающиеся прямо на голову, низкие, давящие, могущие осыпаться в любую минуту, отрезав путь к солнцу, к животворящему теплу. Секретные падающие двери, замаскированные земляными холмами и насыпями входы и выходы. И вокруг – невыносимый запах тления человеческих тел в совокупности с ароматами благовоний – ладана и мирры, ароматических жидкостей – пальмового вина, называемого «урб» – как он ненавидел этот сладкий, приторный запах! Темнота, и запах, запах, пронизывающий насквозь тело, пропитывающий его до самого сердца.

Его учили бесшумно продвигаться в темноте. Видеть в темноте, сливаться с ней и со стенами гробниц. Чувствовать на расстоянии тепло человеческого тела, ощущать запах страха, исходящего от него. Учили метать нож в спину грабителя, осмелившегося нарушить покой обитателей гробниц. Вся его жизнь состояла теперь из страха – своего и чужого. Немало было охотников на царские сокровища гробниц. А он был охотником на этих охотников.

Поначалу он страстно мечтал о море. Потом уже нет, главным стало солнце. Солнце, согревающее тело и душу, наполняющее всё светом, радостью. Он почти не видел его, днём приходилось спать, а вечерами и ночью заниматься ремеслом убийцы, в паре с ночными ремесленниками грабежа. Убивать он научился в совершенстве, и страха перед убийством не испытывал. Куда ужаснее было ощущение собственного страха перед погружением в тесноту и мрак гробниц, в этот тлетворный мир, где царил смерть.

Страх однажды пришел к нему в наглухо замурованной пещере детства, и навечно остался с ним таким – маленький человек на двух, но козых ножках, весь покрытый слизью, пахнущий тлением, с непропорционально большой головой, настоящий обитатель гробниц. Почему-то когти на руках его, а кисти рук не соединены с предплечьем, и живут где-то рядом, сами по себе, и хаотичны их движения, и возможность протянуть эту летающую кисть как угодно далеко, до твоего незащитного горла, например, – они ужасны... Видение приходило к нему день за днём, человек показывал пальцем на саркофаг и мерзко, гадко смеялся – словно блял. Ормус видел его наяву в темноте упрятанных от солнца гробниц, порой человек мелькал за тёмным углом и посреди белого дня. К тому времени ещё не произошло их слияния, Ормуса и его видения страха. Это случилось позже.

Верховный жрец не забыл мальчишку – он любил творить новое, лепить судьбы и обстоятельства. Это, в определенном смысле, было содержанием его деятельности, её главной составляющей. В возрасте двадцати лет Ормус был отозван Херихором в Фивы, в храм Амона. Началась новая жизнь, и снова его натаскивали, обучали, не давая передышки. Он овладел искусством транса – к удовольствию Херихора, теперь не выпускающего его из виду, он делал немалые успехи. Сам Ормус не удивлялся своим способностям – это было следствием воспитания, пройденного в гробницах Долины Царей. Если умеешь чувствовать человека так, словно им стал, и это уже не ты, и уже не он, а нечто общее, одно, то не так уж это трудно – посылать приказы себе самому. А подчинится приказу тот в тебе, кто из общего составляющего слабей, ничтожней. И это, конечно, не ты сам, обученный сопротивлению, тренированный, ты, стоящий на более высокой ступени. Вряд ли это объяснение подошло бы в качестве обучающего сетеп-са, но так понимал это Ормус.

В двадцать пять лет его уже признали мастером сетеп-са – гипнотического внушения. Он творил чудеса, лепил из людей, как из глины, всё, что хотел. Его начинали бояться. Неиску-

шенный доселе ум при наличии достаточно тренированного тела и мощного сознания – вот чем он был в тот период жизни. Но состарившемуся Херихору и этого было мало. Слишком он был доволен своей пронизательностью, позволившей вырвать эту драгоценность, эту восходящую звезду жреческой касты из нищего, полуголодного, наивного существования. Он гордился им, своим созданием. И старался сделать из него совершенство. Именно поэтому он преодолел все преграды, стоявшие перед Ормусом как перед выходцем из чуждой среды. Он дал ему знание, превышающее собственное. И тайны движения звезд, и тайны человеческого тела, и врачевание этого тела, и все стороны религии Египта, такой разнообразной, со всеми её обрядами – ничто не было сокрыто от ученика. Когда собственных знаний стало мало, он отправил Ормуса в Мен-нофр потом в Александрию. ^[2],

За эти годы Ормус окончательно забыл лица родителей, братьев и сестёр. Смутно вспоминались ночные звёзды, огромные, блестящие, так низко висящие на небосводе в этой части света. Запах жареной на костре рыбы. Вкус солёной морской воды. Утреннее солнце, встающее из-за моря, багряно-алое, предвещающее тёплый, радостный день с его простыми трудами.

Блиzkих людей он не имел – к чему они тому, кто служит богам? Им не было места в той жизни, которую он вел. Херихор? Он и сам не знал, благодарен ли жрецу за всё, что тот дал, или ненавидит его за то, что он отнял. Женщины? Да, они были. Рабыни, готовые на всё, ненавидящие его и не уважаемые им. И трепещущие перед ним – а что может дать в любви женщина, если она боится? Расставить ноги, не больше, да терпеть, пока он дергается, вырабатывая семя в недрах тела. Он понимал, что это необходимо молодому мужскому телу, чтобы оно не болело. Да и разуму тоже, чтобы не уподобляться в какой-нибудь важный момент животному, бросающему всё и бегущему на запах текущей самки, а сохранять достоинство, как подобает жрецу, да и просто мужчине.

Но любовь у него всё же была – страстная, болезненно нетерпимая, всепоглощающая. И это была любовь к женщине – правда, к той, что уже жила до него, тысячелетия назад. Ему было двадцать, когда они встретились. До вызова в Фивы оставалось всего два-три месяца.

Всё та же Долина царей стала местом их встречи. Он тогда охотился чуть ли не каждый день. Оттачивал умение, уже ставшее привычным, вошедшее в кровь. В том, чем занимался Ормус, было нечто от ночи, в отличие от честного и открытого дневного боя. Змеиная ловкость, хитрость, внезапность нападения – вот как приходилось вести бой. Но, справедливости ради... Кто были его жертвы? Расхитители гробниц, отнимающие у мёртвых их достояние.

Символом славы и символом веры Египта были гробницы, начиная с пирамид и кончая скромными захоронениями. Во все времена существуют люди, которые готовы на всё ради наживы. И религиозные предписания для них – ничто, и законы совести.

Он нашел её, свою Женщину, в маленькой гробнице – пирамиде. Пирамида была действительно маленькой, доведенной до размеров небольшого обелиска. Не разрушая кладку, как можно осторожнее, достав несколько уже расшатанных и прежде вынимавшихся грабителями камней, он проник в гробницу. Гробница была пуста, во всяком случае, от живых людей, и если они не успели свершить то, за чем приходили, следовало подготовиться к приёму незваных гостей. Азарт завладел Ормусом.

Вначале рукав коридора, куда он попал, шёл достаточно круто вниз. Место окончания идущего вниз коридора, переходящего в верхний, небольшая площадка, где он передохнул несколько мгновений, показалось ему подозрительным. Очевидно было, что под его телом не относительно гладкий известняк, в котором продолжили коридор, а нечто возвышающееся, искусственное – не замурованное ли отверстие? Это могла быть шахта, ведущая к саркофагу. Ормус стал старательно исследовать пальцами поверхность площадки, ища зазоры. Длинные, чуткие пальцы его вскоре наткнулись на небольшую трещину. Он вынул свой нож, вставил его в обнаруженный зазор, надавил. Массивный каменный монолит, снаружи покрытый слоем извести, приподнялся. Он с трудом поднял его и отвалил в сторону. Даже его зрения не хватало

для того, чтобы увидеть, что находится внизу, но осязание подсказывало ему, что под ним – глубокий ход. Пришлось поджечь небольшой факел. Шахта ещё не была полностью открыта, на дне её всё ещё был песок. Это успокаивало – значит, никто до помещения пока не добрался.

Потом пришлось ползти вверх, под довольно большим углом. Идущий вверх рукав коридора привел его в помещение, которое, судя по всему, было залом для совершения заупокойных ритуалов. Насыпь из песка у одной из стен, почти закрывшая последнюю, её натаскали сюда грабители. Ормус вздрогнул, и тень его Страха вновь явилась перед ним. Запах благовоний, запах бальзамировки, запах смерти исходил от песка. В эту минуту он ощутил трепет собственного тела, сердце забилося быстрее, он услышал бляенье, и ощутил когти на своей шее, и стал задыхаться...

Видеть в темноте, перемещаться по узким коридорам его научили давно. Это было одним из моментов обучения стражей Долины Царей. Их, всё ещё маленьких тогда, на несколько дней замуровывали в теснейшие помещения наподобие склепов, с минимальным количеством пищи и питья. Маленькие узники не имели возможности выпрямиться, встать на ноги. Несколько дней всепоглощающего ужаса, с необычайно обостряющимися зрением, слухом, но самое ужасное – воображением. Видеть учишься даже не глазами, а всем телом, каждой частью его, всем сознанием. Если выжил после первого такого испытания, есть шанс на последующие – только подлиннее сроком. И осложнённые – к игре собственного воображения, к ужасу собственного сознания, рисующего кошмары, добавлялись световые, а чаще – звуковые раздражения, самые разные. Мелькание света в появляющемся в стене оконце. Шипение змеи. Звуки падения, бряцания оружия. Отзвуки пения, какого-то неземного звучания, от которого озноб по коже, а бежать некуда... Как он перенёс всё это, не умерев от страха однажды, не сойдя с ума – трудно сказать. Но выжил, перенёс. Страх стал его второй сущностью, и вырос до размеров великих пирамид. Только Ормус знал, как разросся в нём Страх, и какое мерзкое существо, какая тварь живет в нём, но предпочитал молчать об этом. Лукавил с самим собой иногда, когда получалось.

Но сейчас перед ним была известняковая комната значительных размеров, украшенная по углам каменными колоннами и покрытая широким карнизом. Необычен был потолок с гроздьями винограда, образующими выступы и впадины. Насколько мог увидеть Ормус, обитатель гробницы был довольно молод, когда распростился с жизнью. Хватило взгляда на статую, изображавшую его. Усопший стоял на коленях, держа перед собой на вытянутых вперед руках храм. Статуя была деревянной, поэтому не представляла интереса для грабителей. Это был осмолённый кедр. Множество веков назад жрец Анубиса провел церемонию отверзания уст, в последний раз прикоснувшись ко рту мумии энзом [3] произнеся благословение. Тогда же статуя была покрыта горной смолой. Это спасло её от посягательства времени. ,

Ормус не стал углубляться в историю молодого человека. Был намек на то, что Сенемута – так звали погребенного, – погубила любовь. Что он был зодчим и строил храм... Но дальше заниматься историей усопшего Ормус не стал. Комната была последней открытой частью гробницы, и лучшим местом для ожидания грабителей. Не услышать в ней шума проникновения в гробницу он не мог. На стене, полузасыпанной песком, он увидел незнакомое ему изображение – сидящий мужчина со свитком папируса в руках уверенно и благосклонно улыбался Ормусу.

Оставалось ждать. Это он умел. Он прилёг у стены, закрыл глаза. Через несколько мгновений его уже не было здесь. Он лежал на песке у моря, берег был залит солнцем, Ормус слышал плеск волн и наслаждался теплом. Потом он уснул. Эти долгие часы ожидания пролетели для него как одно мгновение. И шаги в отдалении, и ощущение человеческого присутствия разбудили его сразу после того, как он уснул.

Их было двое. Они как тени проникли в коридор, и направились к площадке. Ормус не спешил. Сбросил хитон, оставшись в подобии набедренной повязки. Проверил ножи,

закреплённые на поясе и на ногах. Стал вблизи входа в нисходящий от него рукав коридора, прислушиваясь. Первый грабитель уже подходил к площадке. Второй шёл, осторожно продвигаясь вперёд, держа, по-видимому, руку с факелом на весу и освещая путь. Слишком близко к площадке подползать он не решался, не в его интересах было так рано обозначить свое присутствие. В ход пошла лопата, стало ясно, что скоро появится лишний песок, его потащат в комнату, где будет ждать Ормус. Здесь и надо было встретить гостя, сгибающегося под тяжестью песка. Он вернулся в комнату и встал у проёма. Однако страж Долины не принял в расчёт человеческой лени.

– Песка немного, мы хорошо постарались в прошлый раз, верхушка плиты видна, копнул пару раз, она показалась, – произнес один голос, низкий, с хрипотцой. Звучал он глухо, видимо, потому, что обладатель его находился в шахте.

– Привязывай к верёвке, – ответил ему другой голос, звонче и помоложе, как показалось Ормусу. – Подниму и не стану таскать далеко, тут и сброшу, чего с ним возиться. Давай, быстрее, уже близко, а вдруг мы уже богаты?!

И вот в коридоре, который должен был привести Ормуса к грабителям, стала расти насыпь. Стена песка прикрыла ползущего к ним Ормуса, очень близко подобравшегося к грабителям. А песок – это не гранит, достаточно сбросить верхушку насыпи, и можно будет метнуть нож. Стоящий у шахты грабитель был настороже, и Ормус, не видевший его, животным чувством ощущал это. Объяснить этого страж бы не мог, но чувствовал всей кожей истекающее от этого тела напряжение, готовность к обороне. Не так уж долго пришлось Ормусу ждать. Послышался крик из шахты:

– Всё, её можно отодвинуть!

Послышался скрежет разворачиваемой к стене и, по-видимому, довольно тяжелой плиты.

– Сбрось мне факелы, тут темно. Какая-то комната, пахнет смертью, друг, как я люблю этот запах, его ни с чем не спутаешь. Давай факелы, побыстрее!

Несколько факелов было сброшено напарником вниз. Их, по-видимому, зажгли, послышался треск и запах горячей ткани, пропитанной маслом. И через несколько мгновений раздался не крик даже, а визг обрадованной донельзя человеческой твари.

– Вот оно, вот, мы нашли! Вот саркофаг, а вокруг всего полно! Украшения, кубки, камни! Я богат, богат, богат! Я – вельможа, я чиновник, я – всё, что захочу! Всё куплю, всё!

Возможно, это «Я», произнесённое столько раз, не понравилось напарнику. Он не стал ничего говорить, но поторопился присоединиться к тому, кто так внезапно стал богатеем. Их радостные крики звенели из шахты, и, кажется, начинался делёж награбленного.

А работа Ормуса все еще не была доделана. Оставалось немного, совсем немного. Он скользнул по веревке вниз. Прижался к стенке, боясь, что мелькнувшая в проходе тень привлечет внимание. Ничуть. Обладание богатством лишило грабителей не только остатков ума, но и ощущения опасности. Краем глаза Ормус увидел взлетающие в воздух камни, в свете факела отбрасывающие свет от прозрачных зеленых или красных граней. Это было безумно красиво. Он не знал истинную цену божественным камням, красота же их была понятна и без знания стоимости. Великолепная игра красок была виной тому, что его взгляд лишь на мгновение задержался на светлом силуэте, вызывающе простом среди разноцветной россыпи неземного блеска. В дальнем углу гробницы стояла статуя, легкая женская фигурка...

Ормус медленно достал ножи из кожаных ножен, прикрепленных мягкими ремнями к голени. Его пальцы ласково, бережно прошли по холодной стали его единственных, и при этом – верных друзей. На несколько мгновений он сжал их в своих ладонях, два острых ножа, словно передавая часть своего тепла мертвому металлу острия. Сделав глубокий вздох, как перед погружением в водную бездну, приготовился к последнему для грабителей броску. Но в это мгновение когтистая лапа легла на его плечо. Ноздри явственно уловили запах смерти. Перед его лицом закачалась мерзкая морда Страха... Ормус уже не в первый раз ощущал свое

единение с этим уродом. Он давно учился слышать свой Страх, у которого не было голоса. То, что Страх сейчас беззвучно предложил жрецу, напугало своей безумной жестокостью. И, однако, Ормус подчинился.

Он не стал задерживаться, порадовался, что от радостных восклицаний глохнут уши. Значит, его не услышат. Ормус подобрал инструменты, привязал их к поясу. Легко поднялся наверх. Все, работа его закончилась. И не пришлось прикладывать особых усилий, осталось только поднять перекладину и вытащить веревку. Под ногами стража лежала глубокая шахта. И стены ее были выложены гладким, отшлифованным камнем. Там, внизу, спешили снять тяжелую крышку саркофага, надеясь урвать еще, еще что-нибудь, теперь уже с самого мертвеца, не страдая угрызениями совести.

Ормус с трудом сдвинул тяжелую каменную плиту, закрывая вход в шахту. Обреченные внизу не сразу услышали это за треском факелов и собственными криками. Впрочем, какие-то глухие крики ужаса и стоны, он, возможно, и услышал, покидая коридор. Но это было неважно. Там, за тщательно заделанным им проемом интересного для него уже ничего не было. А здесь, наверху, занималась заря. Можно было насладиться восходом не виденного им уже двое суток солнца. Хотелось бы что-то поесть. У него было много свободного времени до входа в следующую гробницу. И это было самым замечательным из всего, не считая чувства выполненного долга.

Истинная, осознанная им как действительная, встреча Ормуса с Хатшепсут произошла года через три, уже во время служения его Амону в Фивах. Три года назад он видел ее, но почти не заметил... Здесь, в Фивах, не заметить ее было невозможно. Как можно было пройти мимо её царственного имени, утверждавшего: «Лучшая из женщин»? Как, будучи египтянином, не преклониться перед единственной женщиной, ставшей фараоном, и каким фараоном, первой и неповторимой в неизмеримо древней, уставшей не от столетий – от тысячелетий стране. Как не удивляться мужеству той, что была всего лишь слабой женщиной? Он удивлялся, как все, он восхищался – но не как все, а куда больше, ибо вскоре, принадлежа к жреческой касте, узнал то, что знали лишь избранные. ^[4]

Однажды имя любовника «Его Высочества Хатшепсут», её придворного зодчего, построившего для царицы погребальный храм и убитого по её приказу за разглашение их общей тайны, бросилось ему в глаза с листа древнего папируса. Сенемут, вот как звали её возлюбленного! И земля закачалась под ногами Ормуса. Память услужливо нарисовала стены комнаты подношений, и имя Сенемут, и напомнила о положении высокого чиновника, зодчего, и смерть, не в последнюю очередь связанную с какой-то любовью... На руках у зодчего знакомый Ормусу храм Хатшепсут, вернее, его маленькая, но точная копия. А со стены со спокойной улыбкой, уверенно смотрел на Ормуса Бог. Имхотеп, божественный покровитель зодчих, ученых, писцов, врачей. В руках у него был развернутый папирусный свиток. ^[5] ^[6]

Переправиться на западный берег Нила, в царство Осириса, знакомое ему с детства, не стоило большого труда. Ормус заторопился. Он и сам не знал точно, что ему надо увидеть в гробнице, но был уверен – необходимо вернуться. Это был неодолимый зов, любая задержка вызывала у жреца чувство почти физической боли. Молотом ударяла в голову мысль – скорее, скорее! Она призывала его, женщина-фараон, его царица, его Хатшепсут!

Он не видел дороги, он не помнил встречные лица, он и сам не знал, как добрался до знакомой пирамиды-obeliska. Впоследствии он просто не мог вспомнить ничего об этом. Но, наверное, вся необходимая осторожность была соблюдена им. К тому времени Ормус и Страх были уже часто едины, и думали одинаково. Он привык бояться и осторожничать, и когтистая лапа из-за темного угла теперь не всегда пугала его до смерти. Она появлялась, он чувствовал легкое удушье и запах тления, холодок медленно поднимался из области паха в грудь и там растворялся. Ормус настораживался, концентрировался, собирался, и часто бывал благодарен

за предупреждение, помогавшее ему справиться с трудной задачей. Вот и сейчас именно Страх привёл его к пирамиде незамеченным.

Разрушить запечатанную им же когда-то дверь не составило излишнего и тяжкого труда, хотя повозиться немного пришлось. Он вступил в коридор с тайным трепетом, с сердцебиением. Загадка позвавшей его тайны волновала. Он знал, что его ждут открытия, рвался к ним, но сейчас несколько медлил на пороге, как это бывает обычно. Отвалил камень с площадки на перекрестке коридоров. И почувствовал всей кожей ужас свершившегося здесь. Кто-то не поверил бы в это. Но Ормус уже год-полтора знал это за собой, ему не надо было верить или не верить. Это было тем тайным даром, который с мистическим ужасом открыли и развивали в нём жрецы. Сами они за годы сытой и довольной жизни теряли и веру, и способности, привыкая идти по накатанной дороге сбора подношений, отбытия ритуалов. И древние искусства мстили за это – они уходили от жрецов, утекали, словно вода с раскрытой ладони. Ормус даже не интересовался тем, как это происходит с ним. Не потому, что было совсем не интересно, просто отгадки всё равно не было, и не стоило мучиться ещё и этим, он привык.

Он слышал эти голоса, он ощущал эти стоны, он чувствовал невыразимую муку тех, кого три года назад оставил умирать в погребальной камере. Дрожь пробежала по телу, руки тряслись. И ещё до того, как он спустился вниз, используя то же нехитрое приспособление, что и грабители в прошлом, он уже знал, что случилось тогда. Почти нежно он провёл рукой по стене вблизи входа в погребальную камеру. Да, они были здесь, те небольшие вмятины, которые молодому удалось выбить в стене кубком. Пока силы не оставили его, голодного и измученного жаждой. Он спешил к жене, он знал её всего три месяца, и женщина была тяжела. Ему было что терять, он ждал сына, он мог бы выгрызть эти отверстия зубами, да только времени не хватало, слишком быстро таяли силы. Да и работать без не поступавшего в камеру воздуха было просто невозможно, они уже испытывали его нехватку, задыхаясь при нагрузке. Не столь уж он был голоден и нищ, до того, как попал сюда, и частично привела его в собственную и Сенемута гробницу жажда приключения, необходимость, часто присущая молодости – утвердиться. Доказать себе самому, что можешь многое из того, чего не могут другие.

Вот эту зарубку оставил тот, другой. Ему было тоже страшно и тяжело умирать здесь, в темноте и ужасе. Жизнь не оставила ему выхода, он должен был найти сокровища здесь или умереть. Он и его жена по воле судьбы и «добрых» людей остались без крова над головой и куска хлеба. Впереди ждала нищая и неприкаянная старость, а он итак никогда не разгибал спины, и болезни уже начинали одолевать его, и угнетало одиночество – Амон не дал им насладиться родительским счастьем, и жена его проливала слёзы всю жизнь ещё и по этой причине... Он постарался принять свой конец с достоинством, хотя был человеком, и ему было очень страшно, очень. Его хватило лишь на одну зарубку, быстро пришло понимание бесполезности этого последнего труда. Это он взял у молодого отломившуюся ручку сосуда и, не обращая внимания на последнего, метавшегося в попытках спастись, заточил её о гранит саркофага. Он сел у плиты, открывавшей выход в шахту с внутренней стороны, словно страж. Помянул жену, мысленно посылая бедняжке своё благословение. Мало во что он уже верил сейчас, оказавшись в последние минуты своего и без того не безоблачного существования в таком положении. И всё же он просил Амона перед смертью: «Ты, Господин нашего существования, зачти ей страдания, что я претерпел. Избавь её от подобного и, если можешь, пошли ей ласковую смерть, она ни в чем не повинна». После этого он спокойно вскрыл себе вены – на ногах, на левой руке. Одна из его последних мыслей понравилась Ормусу особенно. Старик умирал богатым – а разве он не этого добивался?

Ормус ещё не вошел в камеру, но уже знал, что увидит. Два стража погребальной камеры сидели по сторонам от входа – старый и молодой, и пятна разлившейся когда-то крови обезобразили известняк пола. Второй грабитель, оставшись один, выбрал ту же смерть...

Невероятно, но прочувствовав эту драму, поняв и увидев её внутренним зрением, Ормус затем сумел отбросить всё в сторону и успокоиться. Не было угрызений совести, сожалений. Каждый из участников этой жизненной игры имел свою цель и делал свою работу. Ормус тогда был стражем Долины, и исполнял свой долг. Погибшие грабители сделали то, что считали нужным. Не Ормус наказал их за это – то была воля Бога. И всё случившееся было проникнуто странной, завораживающей красотой. Это была игра Жизни и Смерти, и разыграна она была достойно. К этому периоду жизни Ормуса он и Страх уже были совсем другими. Ормус перестал бояться чужой боли. Чужой страх, чужая боль ещё не приносили ему радости, но уже помогали примириться с собственными. Он словно возвышался сам, видя чужие страдания.

Войдя в камеру, он не стал смотреть на останки грабителей, не отвлекался на драгоценности и предметы обихода. Его не интересовал саркофаг с усопшим. Он по наитию сразу высветил факелом то, за чем пришел. Она стояла в дальнем углу, устремив взор на изголовье саркофага. Статуя обнаженной Хатшепсут стояла здесь, в погребальной камере, полтора тысячелетия, и ждала его, Ормуса, прихода. Эта мысль пьянила его. Не тратя драгоценного времени, он бросился к ней, взял её на руки и вынес из камеры. Поднять фигурку с помощью дополнительного мотка веревки, которым он запасся предварительно, было нетрудно. Было бы ещё легче, если бы он не осторожничал, он ведь почти не дышал, пока поднимал её со дна шахты.

Он донёс её до комнаты погребальных ритуалов. Деревянная статуя Сенемута полетела на пол, а на постамент он поместил отлитую из серебра в половину роста статую женщины-фараона. Несомненно, это была она, черты её лица выдавали в ней принадлежность к роду фараонов – потомков Яхмоса. Три поколения его потомков имели характерные черты лица, столь отличавшие их от предшественников и последующих династий фараонов. Это было напоминание о дикой азиатской крови, принесённой племенами гиксосов. Это они когда-то впервые пронеслись по земле Египта с боевыми колесницами, запяжёнными неведомыми до той поры египтянам лошадьми – верными, благородными животными. [7] [8]

Только любовник мог увидеть женщину такой. Это для него она распустила свои роскошные волосы по плечам, а потом подняла руки вверх в извечном жесте всех женщин, чтобы собрать их на затылке. Благодаря этому, вся её фигурка как бы вытянулась вверх, поднялись и слегка заострились её полные груди, и Ормус нашел их форму совершенной. Округлое лицо её не было, быть может, очень красивым. Но оно было очень живым, напоённым энергией. Нос с небольшой горбинкой. Чувственные полные губы. Удивлял разрез глаз, он был не совсем обычен для египетских женщин. Последним была присуща скорее миндалевидная форма, Хатшепсут же смотрела на мир широко распахнутыми, слегка выпуклыми глазами. Казалось, женщина удивляется чему-то. Может, тому, что её увидели такой – нагой, а не прикрытой мужской одеждой, которую ей приходилось носить, без надоевшей накладной бороды, без атрибутов власти.

Хатшепсут не была ни полной, ни слишком худой. Слегка широки, пожалуй, были таз и бедра, но это не нарушало гармонии. Скорей наоборот, именно эти округлые линии радовали глаз мужчины, тем более что ноги её были стройны. Пожалуй, все нужные пропорции были соблюдены: это были вовсе не мускулистые и худые ноги юноши, мальчика, а женские ножки с их прелестной полнотой в области бедра. Жрец Амона не удержался от святотатственного прикосновения к статуе сзади, женщина на постаменте была круглозадой, и это также волновало мужчину в нём.

Мало что в любви поддается описанию, а тем более – объяснению. Кто знает, что руководило Ормусом в его последующих действиях? Полтора тысячелетия назад эту женщину, что теперь, отлитая в серебре, стояла на пьедестале, любил мужчина. Этот мужчина был её первой и единственной любовью, она отдалась ему однажды, а потом множество раз он познавал её, и они сливались в объятиях, даря друг другу радость; рассвет заставлял их спящими вдвоём

на её царском ложе. Потом он умер, и в этом была и её вина. Но даже в смерти они не расставались, и она сошла с ним в мрачное царство Осириса. Тот, кто любил её так пылко, пожелал оставить её рядом со своим угасшим телом, либо она решила оставить ему частицу себя, пусть так, в серебре, но рядом. Теперь уже было невозможно установить, чьё это было желание. Что за дело до этого Ормусу, раз нет их обоих, и их любовь, о которой знают лишь немногие, тоже давно угасла? Но Ормус страдал, и страдал по-настоящему. Эта женщина должна была принадлежать лишь ему, и только ему, он мучился оттого, что ощущал эти незримые, но крепко связавшие их нити.

И он совершил уже не первое сегодня святотатство. Он опустил статую Сенемута в шахту, спустился вниз и поставил статую любовника, к которой испытывал смутное, но неприятное чувство, в погребальную камеру. Наглухо закрыл камеру плитой. И в каком-то лихорадочном бреде, работая, как одержимый, не разгибаясь, много часов подряд таскал песок из комнаты ритуальных подношений в шахту, засыпая её, закрывая, отсекая женщину, что стояла в комнате, от её любовника. Только опустив плиту на отверстие шахты и позаботившись о том, чтобы она точно легла в пазы, словно Сенемут мог бы открыть шахту изнутри, он почувствовал некоторое облегчение.

Он уже возвращался к Хатшепсут, когда погас, шипя, факел. Но основная часть работы была сделана, и он мог разжечь новый, оставленный в комнате, чтобы подарить себе ещё несколько мгновений или часов, – кто знает, – созерцания. Однако, к удивлению его, в комнату проникал свет, в небольшом количестве, но проникал. В прошлый раз он просто проспал это явление. А сейчас явственно увидел лучи, исходящие из маленького оконца. Такие оконца часто устраивались в основании пирамид – чтобы свет иногда радовал души усопших. Пусть света было немного, но он был, и Ормусу его вполне хватало.

Он долго стоял, охваченный восторгом своей находки, лаская взором каждый изгиб её тела. То, что он испытывал к Хатшепсут, люди назвали бы любовью. Но сам Ормус не знал этого. Слово «любовь» ещё не наполнилось для него тем живым, теплым, ласковым содержанием, которое придают ему познавшие это чувство. Быть может, потому он и объяснял его чем угодно, только не любовью, чуждым понятием. Он испытывал ощущения, которые были сродни религиозному экстазу, наступавшему, как он знал по собственному опыту, во время тайных мистерий, доступных столь немногим, когда исключительность происходящего приподнимала тебя над действительностью. Подобное происходило с ним и сейчас, и он преклонялся перед найденной им женщиной, той, что позвала его из глубины веков, как перед Богом. Если бы ему сказали, что столь пронзительное чувство преклонения, доходящее до обожествления тех, кого любишь, иногда овладевает людьми в их обычной, земной жизни, он бы в это всё равно не поверил. Правда, не он один. Слепых и убогих на земле больше, чем принято думать...

Но судьба не была столь уж строга к Ормусу. Она подарила ему ещё одно чудо в этот исполненный событиями день. Поднимающееся над горизонтом солнце скользнуло в оконце. Нежно-розовые его лучи заскользили по выточенным, стройным ножкам, легли на бедра. Приласкали нежный треугольник волос, пробежали по сильному округлому животу. Оживили чаши груди, подчеркнув соски. И пропали. Но в это мгновение, как показалось Ормусу, сам Атон вдохнул в статую жизнь. А ему, Ормусу, оставил мечту о возможной встрече

Ормус. Мистерии Исхода

Глава 1. Хатшепсут

Бросок через пустыню был для него достаточно серьёзным испытанием. Он не любил пустыню и мало её знал. От первого путешествия с Херихором к Фивам остались самые тягостные воспоминания. Ведь тогда его разлучили с родными и близкими людьми, и ничего хорошего не было уже в этом. А дневная палящая жара того путешествия, усталость и изнеможение вкупе с жаждой, когда гортань перехватывает судорога, глаза заливают ослепительный свет! Потом вечерний холод, свирепые ночные ветры... Какой контраст со всем тем, что он знал и любил, а ведь он был ещё ребенком, и сердце его разрывалось от боли прощания. Непонятно, как он выжил тогда. Но ведь выжил, и теперь возвращался – взрослым и очень сильным человеком, защищённым знанием, с вышколенным ко всему привычным телом. Он не боялся, но был насторожён.

Да, теперь это безводное голое пространство вновь окружало его. Низкие каменистые гряды вперемешку с песком и щебнем. Трёхдневный запас воды и пищи, но последнее несущественно. Главное здесь – вода.

В жаркие дневные часы идти куда бы то ни было не стоит. Впрочем, как и в ночные, с риском замерзнуть. В эти часы в пустыне нет места перемещению, всё живое, если оно есть в округе, предпочитает вечерние и ранние утренние часы. Он учёл это в своём передвижении. В остальное время прибежищем был песок, на поверхности которого должна была оставаться лишь голова, покрытая куском ткани. Или расщелины скал становились его укрытием.

Ормус знал, что доберётся, и пустыне придётся выпустить его из своей жёлто-коричневой сухой пасти. Ночью, когда донимал холод, он согревал себя в песке мечтами о солнце и засыпал. Днём? – днём он грезил. Снова и снова вставала перед ним в полный рост его царица, его обожаемая Хатшепсут. Он видел её совсем юной, безудержно смелой. Она неслась к нему на любимом своём вороном, распущенные волосы той же масти, что и у коня, развевались по ветру. Это было недопустимо по дворцовому этикету, но она всё же позволяла себе подобного рода выходки, пока не стала совсем взрослой, и на её плечи не лёг каменной ношей весь Египет. Потом видел её рядом с тем, кто возглавил заговор – Хапусенебом, которому ещё предстояло стать верховным жрецом, и набраться важности и величия, а пока он был если не юн, то молод и горяч, и на лице его был отсвет алчности. Он хотел всего – власти, денег, удовольствий. И явно готов был на всё ради достижения цели, вовсе не надо было быть провидцем, чтоб это понять. Странно, что его не разглядели бывшие тогда у власти, и вовремя не прервали этот полет... Видел Ормус и Сенемута, милого сердцу царицы. Жрец старался не задерживать на нём свой внутренний взор надолго – он, как это ни смешно, ревновал...

[1] [2] [3] **Живой, своевольный ум, более подходящий юноше, чем девушке. Характер тоже под стать – как у воина. Когда она заводится, даже сам фараон сомневается – он ли здесь главный, а остальные не знают покоя и сбиваются с ног, выполняя её приказы. К тому же хороша собой. Широко поставленные огромные черные глаза, гордо вздёрнутый нос, волевой подбородок, чувственные губы. Она прекрасно сложена. Гибкие точеные бедра, круглые груди, стройные, пока еще худые, как у мальчишки, ноги. Ей всего шестнадцать лет. У неё есть всё. Держава отца, великого фараона Тутмоса Первого – её страна, ее Египет. Она могла бы править этой страной. Но фараоном ей не бывать. В ее прекрасном теле – источник всех бед, как ни горько это осознавать. Жрецы говорят, а она верит им свято, что истинный отец её – не Тутмос, а Амон-Ра. Ведь мать Хатшепсут, Ахмес, спала в Храме, и была женой**

Амона. Так почему же солнцеликий проклял дочь, дав ей женское тело? Мало того, что нельзя быть фараоном. Но ведь и тело это не ей принадлежит, а её стране. Это значит – ей придётся выйти замуж за сводного брата, вечно больного, слабого, немощного! Сын её тетки, Мутнофрет, двадцатилетний Тутмос, в роли Птенца Гора, и что ещё хуже – её мужа, это невыносимо!

[4] – Отец, ты назначил день Хеб-седа, и в Фивы съезжаются наши Боги. Вся страна ждёт, что ты назовешь имя наследника. Отец, умоляю тебя, не сделай меня несчастной!

– Чего ты хочешь от меня, Хатшепсут? Амон лишил меня наследника от твоей матери, Дочери Солнца. Но я и сам стал фараоном, женившись на ней, унаследовавшей кровь фараонов. Тутмос станет фараоном, став твоим мужем, и Египет вздохнёт, избежав опасности.

– Нет! Забудь о том, что я женщина! Я стану твоим сыном, унаследую Египет! Брат мой страшится короны, бежит от одного её вида. Он страшится и меня, вечно больной замухрышка, стоящий одной ногой в царстве Осириса!

[5] – Что ты несёшь, девчонка! Не бывать на троне фараонов женщине! Ты накликаешь на Черную землю беду, о Амон, смилуйся над нами!

– Я дочь Солнца, Амон-Ра! В моих жилах течет царская кровь, и за кого бы я не вышла, он станет Богом! Дай мне возможность выбора, пусть не он будет моим мужем. Он брат мой, и не любим мной. Ему двадцать лет, а он просто худосочный мальчишка, и лихорадка не оставляет его с тех самых пор, как я себя помню. Сжался, отец, я здорова и сильна, назначь меня наследником и избавь меня от брата. Умоляю...

Глаза Хатшепсут, минуту назад метавшие молнии, наполняются слезами. И великий Тутмос вздыхает, невольно сочувствуя ей. Да уж, его дочь (его, а не Амона, что бы она по этому поводу ни думала!) мало подходит в качестве жены его же несчастному сыну от Мутнофрет. Брызжущая энергией, своенравная, она вынуждена будет жить с вечно грустным, слабым, недовольным мужчиной. И надолго ли хватит его самого, да на пару её затей, не больше...

– Ступай, Хатшепсут, я устал. Мне нужно подумать, наступает Хеб-сед, а я действительно устал и болен. Надо подготовиться к встрече с Богами.

Он говорит это так тяжело, так устало, но с такой ласковой улыбкой и тепло, что Хатшепсут смиряется. Она уходит с опущенной головой, страшно грустная и не похожая на себя, но с большой надеждой в сердце...

[6] Отец её, Тутмос Первый, так и не назвал своего наследника на Хеб-седе. На одном из пилонов он велел высечь, что установил мир в Египте, покончил с беззаконием, искоренил неверие и что подавил восстание в Дельте. Взамен он просил Амона даровать трон его дочери, Хатшепсут. Но в день его, великого фараона, смерти, на свет появился его внук – вполне здоровенький и крепкий мальчик, сын «худосочного» Тутмоса и наложницы Исет. Его рождение положило начало семейной вражде и вечной боли в сердце Хатшепсут, сердце несгибаемой дочери Амон-Ра.

Дневной отрезок второго дня пути дался ему тяжело. Пересыхало во рту, губы покрывались толстой коркой песка. Солнце палило немилосердно. Знойное марево воздуха жгло кожу лица. Пустыня представлялась Ормусу живой, неведомым диким животным, и именно жаркое дыхание этого животного он ощущал на своём лице. Невыносимо хотелось пить. Вода у него была, но он четко разделил её, и следующая порция была не дневной, а вечерней. Он мечтал о целом море воды, которую можно было бы пить, не запрокидывая головы. Именно так приходилось пить в пустыне – чтобы не выпить всю драгоценную влагу одним глотком. Ормус знал, что это лишь одно из первых испытаний на его пути, Атон являл ему свою силу и власть.

Нужно было перенести испытание с достоинством. Жрец был спокоен – он чувствовал, что справится с этим, как и со всем остальным.

Голосок дочери вывел Хатшепсут из задумчивости.

– Царственная мать моя, могу ли я поприветствовать Вас? – семилетняя девочка не стала нарушать обычных, принятых при дворе церемоний, но в голосе её столько озорства и неприятия ритуала, что Хатшепсут распахивает ей свои объятия. Сердце её сдавливает боль, когда она прижимает к себе хрупкую дочь.

– Лотос мой, не слишком ли рано ты встала из постели? Еще вчера горела, и лихорадка не отпускала тебя. Надо прилечь, милая, я беспокоюсь о тебе.

На личико дочери легла тень, и она вдруг стала похожа на своего отца, её, Хатшепсут, нелюбимого мужа, Тутмоса Второго.

– Мама, почему я всегда болею? Почему я не стала такой, как Вы, здоровой, красавицей, всеми любимой? Я хотела бы заседать в зале совета, как Вы, и принимать решения, и отдавать приказы!

Снова сжалось сердце Хатшепсут знакомой, но от этого не ставшей более приятной болью.

Ответ она знала прекрасно – всё дело в мрачных законах страны, не позволивших ей когда-то стать фараоном. Верховный жрец и вся коллегия Амон-Ра встали на её дороге нерушимой стеной. Ей пришлось подчиниться, и стать женой Тутмоса, и разделить с нелюбимым человеком супружеское ложе... Разве могла дочь родиться здоровой, когда её, Хатшепсут, тошнило от рыбьих объятий мужа, от запаха, исходящего от его пропитанного лихорадкой тела.

– Всё ещё впереди, Неферу-Ра, дорогая. Кто часто болеет в детстве, тот может вырасти вполне здоровым и сильным человеком. Ты – Дочь Солнца, он даст тебе здоровье и силу, только сейчас надо беречься.

– Мой брат не бережётся, он всегда здоров и весел. А ведь он не царственной крови. Это не слишком справедливо, правда?

Амон великий, конечно, нет. Но что тут можно поделать. Тот, как называют будущего Тутмоса Третьего, действительно крепок, как бычок, и никогда не болеет. Их с мужем дети так же не любят друг друга, как и они сами не любили. И, скорее всего, их тоже соединят узами постылого брака. Только её дочери не придется взять на себя обязанности правителя, как это делает она сама, Хатшепсут. И дело не в характере, она унаследовала его от своей матери. Всё дело в её здоровье, не позволяющем ей жить как все живут. Да и Тот не станет уступать ей ни в чём, он терпеть не может свою слабенькую, но не отдающую ему первенство сестру.

– Прости меня, милая. Меня ждут в храме Амона. Я вызову няню, пусть она уложит тебя в постель, хорошо? И не грусти, всё образуется.

Ребёнка отослать утешительными словами можно. Но себе она давно не лжёт, какой в этом смысл. Тутмос лишь символ власти фараона. Он живёт в своём, далёком ото всех в Египте мире. И недалек тот день, когда оставит их для царства Осириса. Она немало сделала для жреческой коллегии. Хапусенеб, её ставленник, должен быть Верховным жрецом! И тогда ещё посмотрим, станет ли Тутмос Третий на её пути. Сенемут прав, надо идти по этой дороге.

Сенемут, любовь моя, моя постыдная слабость, моя сила... Как хороши твои сильные руки, как приятно ощущать их на своем теле. Не об этом ли мечталось всю жизнь? Прижаться к крепкой груди, утонуть в этой мужской силе, в этом запахе хотящего тебя мужчины. О чём она думает, Амон Великий, на пороге Храма?! Да проклянёт Амон её ненавистное женское тело, источник всех бед и несчастий!

Ночами его донимала луна, сиявшая неестественно ярким светом. Она мешала ему спать, заглядывая в глаза. Она будила его воображение – что там за пятна на её поверхности, почему она разноцветна? Он знал, что это небесное тело, как и Земля, он уже многое знал к тому моменту. Он знал и о Солнце, которому поклонялся, что это – небесное тело. Это не мешало ему поклоняться Солнцу, как воплощению Высшего Существа, единого Бога, бессмертного, вечного, невидимого и непостижимого в своей сущности, который порождает сам себя в бесконечности Вселенной. Воплощений Бога может быть много, но он Один, не имеющий ни имени, ни реального образа. Воплощения Бога – это наши чувственные представления о нём, дабы облегчить народу веру. Даже жрецам, ведь они тоже люди, и тоже не могут познать Бога в его сущности. Пусть и знают об этом больше, чем другие.

Так что же всё-таки луна, эти её пятна – горы? Быть может, лунное море? Почему нельзя увидеть всё это своими глазами? Он бы хотел. Он бы не отказался ни от одной тайны этого мира. Так уж он был устроен. Он был жаден до всего, что загадывала природа. Ему не нужна была слава первооткрывателя, его волновал сам процесс исследования. Страх в его жизни становилось всё меньше, он вырос из него. А сильные ощущения были нужны, и процесс познания их доставлял. Впрочем, как и любовь к недостижимой уже женщине, которая волновала ему кровь, поднимала над обыденным существованием.

– Любимая, мне пора. Дело идёт к рассвету, а у тебя сегодня непростой день. Нет, нет, отпусти меня, Хатшепсут, не затевай всё снова... Ну же, девочка, я должен идти. Лотос мой, любовь моя, меня не должны застать у тебя, ты же понимаешь!

– Останься, Сенемут! Останься со мной! Ты же знаешь, как я боюсь.

– Поздно бояться, моя госпожа. Вот теперь уж действительно поздно. Мы так долго шли к этому, так долго. Мы и так упустили время, и внесли ненужную суету и сомнения в души людей, позволив год назад провозгласить Тутмоса фараоном. Теперь силы расставлены иначе, и Храм – наш. Ты станешь фараоном, как этого хотели и ты, и твой царственный отец.

– И ты, Сенемут, и ты?

– Ты и без того господствуешь в моём сердце, любимая.

– Но без моей власти, которой Тутмос положит конец, как только оперится, ты – ничто. Тебе не дадут достроить твой любимый Храм, и много чего ещё отнимется от твоей жизни, правда, Сенемут?

– Правда... Но я никогда и не скрывал того, что вся моя жизнь связана с тобой. Даже Храм, который я так люблю, это твой Храм, Хатшепсут. Я видел тебя идущей по этим террасам, по моим висячим садам. Я велел рисовать твои лики такими, как я их вижу. Я создам твои скульптуры, в которых ты будешь вся – со всем своим величием, всей своей славой. Всё для тебя, любимая, ты же знаешь!

– Как много забот о том, что будет после смерти. Ты ничего не хочешь сделать для меня сейчас, пока я жива?

– Нет, нет, я уже ухожу. Хатшепсут, отдай мне одежду и перестань дразнить меня...

Звуки их шёпота и громкой возни долетают до комнат прислуги. Неодобрительно качает головой старая нянька Неферу-Ра. Если уж ей с её ослабшим слухом слышна эта возня, то что говорить о других. Амон, что делает с повелительницей её любовь к простолодину, так забываться... Но это не её дело, лучше сделать вид, что она не только оглохла, но и ослепла. Не стоит стоять на пути у сильных мира сего, а уж у Хатшепсут на дороге...

Сенемут называл её цветком лотоса. Поистине, она была им. Лотос был уже в первобытном хаосе мира, и Амон – Ра вышел именно из цветка лотоса. Хатшепсут была дочерью Амон-Ра, и воплощением красоты цветка. Женщина-цветок, женщина-лотос... Он прощался с Чер-

ной землей, быть может навсегда, он снова терял родных и единственного человека, который им интересовался, хоть и корысти ради, но всё же, всё же... А грезил лишь о ней. Вспоминал этот взгляд широко распахнутых глаз, смотрящих на мир с удивлением и радостью. Вспоминал лучи солнца на крутом изгибе бедер. Чаши блаженства – груди Хатшепсут, которых не так давно кощунственно касался, прощаясь. Давал себе слово вернуться. И снова грезил, снова видел эти картины до мельчайших подробностей изученной им чужой и давней жизни.

Ладья Амона медленно плыла над головами своих служителей, мимо рядов воздетых к Солнцу рук. Миновала Хапусенеба, маленькую Неферу-Ра, с благоговением смотревшую на золотой лик своего Бога-отца. Проплыла мимо Тутмоса, стоявшего с недосыгаемым, царственно-важным видом. Напротив Хатшепсут это движение вдруг остановилось. Музыка оборвалась, смолкли певчие. Толпа придворных Хатшепсут, народ, окруживший регентшу – все вдруг отшатнулись назад, напуганные и поражённые. Словно волна отхлынула от Хатшепсут, оставив её на берегу в одиночестве.

Ладья Великого Творца вдруг накренилась, потом стала двигаться толчками. Носильщиков-жрецов заносило из стороны в сторону. Они спотыкались, вскрикивали, лица их были искажены ужасом, они тяжело дышали и взмокли от напряжения. Разгневанный Амон-Ра – вот кто, конечно, стал причиной этой непонятной остановки, и люди попадали на колени, умоляя Божество не гневаться, и выразить свою волю. Крики, замешательство, всеобъемлющий ужас. И вдруг – небывалое чудо. Словно по мановению руки всё успокоилось, вновь зазвучала музыка. Божество заставило носильщиков опуститься на колени. И в мёртвой тишине людской, в сопровождении лишь музыки, Амон-Ра медленно и с достоинством склонился перед регентшей, совершив поклон. Хатшепсут пала ниц перед Амоном. Но движение не возобновилось до тех пор, пока, поднявшись, она не возложила руку на ладью и, сопровождаемая хором певчих, не двинулась в обратный путь.

Не было сомнения в том, что так Амон выразил свою волю, провозгласив Хатшепсут единственной повелительницей страны. Для сомневающихся начинал уже свою партию Хапусенеб: " Люди! Внемлите воле Великого Творца, дыхания жизни! Свершилось небывалое! »

На третьи сутки своего перехода, вечером, когда, по его расчетам, море было уже совсем рядом, он встретился с исконными жителями пустыни. Их было двое, и несколько верблюдов с нехитрой поклажей – всеми теми товарами, которые они обменивали в прибрежных деревнях на рыбу, ракушки и прочие дары моря. С изумлением смотрели они на человека, вышедшего из песков пустыни, но такого чуждого ей, явно не здешнего. Трогательно поили водой, пытались заставить смазать десна чечевичной кашцей. Он смеялся до слёз, отбивался, снова заходился в хохоте, вызвав у них сомнение – не покинул ли разум его от пережитых волнений, жажда и ночные холода ещё не то могут сотворить с человеком. Мог ли он объяснить им, что просто счастлив? Что всё ему удастся, что впереди – новая и незнакомая жизнь, и всё, конечно, получится. Он сбежал от их неуместной заботы, и всё ускорил шаг, торопясь на встречу с этой новой жизнью.

Глава 2. Плавание

Ормус стоял на берегу моря, у самой кромки воды. Взгляд его был прикован к линии горизонта, где вскоре должно было появиться Солнце. Его ещё не было видно, но оно уже присутствовало здесь. Это оно осветило округу, рассеяв ночную мглу. Это оно позолотило облака. Это оно подчеркнуло багряным цветом полосу между морем и небом. Ормус не просто ждал восхода, он ожидал появления Светила, он молился Атону [1]. Там, на горизонте, рождался сейчас Бог, и жрец Его с благоговением ждал этого мгновения. Он ждал чуда, знака, который указал бы ему путь.

И невероятная игра красок на небе была ему ответом. Полосовидные облака, стоявшие над горизонтом, стали менять свою форму. Часть из них слилась друг с другом, и в небе над морем образовалась фигура треугольника. Небесная пирамида, освещаемая изнутри волшебным светом – светом восходящего Солнца. Она была ярко-жёлтой, эта пирамида, цвета Солнца в зените. А вокруг неё всё было розовым, алым, красным – всех оттенков цвета Бога, от нежных розовых, цвета любви, до цвета его алого гнева.

Вот из-за горизонта показался краешек солнечного диска. Теперь уже солнце поднималось на небосвод с невероятной быстротой, устремляясь к верхушке пирамиды. Всё в соответствии с древней верой Египта. Там, на верхушке пирамиды, куда бежало Солнце, ждали его человеческие души, одержимые желанием слиться со Светилом, получить вторую жизнь, вернуться к этой невероятно трудной, но такой желанной для них жизни – к счастью ли, к горю ли, но непременно вернуться. Снова ощущать боль, наслаждение, трепет любви, жар, холод – всё то, что и составляет жизнь.

Оно задержалось надолго лишь в одной точке – там, где должно было оторваться от горизонта. Словно вдруг задумалось на несколько мгновений, стоило ли проделывать столь долгий путь, возвращаясь на небо, ради выполнения столь суетных и глупых человеческих желаний. Но, преодолев сомнения, наконец оторвалось от границы неба и воды, и вот уже увенчало пирамиду. На воду легла алая полоса света, побежала к берегу, словно протянутая к Ормусу рука Бога. И в эту полосу он не вошел даже, а прыгнул с разбега, отдаваясь воле Атона, принимая всё, что пошлёт ему Бог, что бы это ни было, с благодарностью и покорно. Задуманное Ормусом плавание было вторым шагом на предстоящем пути нового, действенного служения Атону.

К Атону он пришел через тайну, пройдя тщательный отбор. Приняв единого солнечного Бога, поклялся тайной коллегии жрецов, доверившейся ему, в вечном молчании. Смерть ждала его, немедленная и мучительная, если бы он нарушил свой обет. Но этого не случилось бы никогда. Ему, прошедшему школу стражей в Долине Царей, Солнце было единственным Богом давно. Он был привязан к Солнцу как к другу, он любил его.

В Египте существовало множество богов. Жрецы каждого из них обычно стремились к определенной самостоятельности и были преданы именно своему божеству, хотя в принципе могли служить любому. Ормус служил Амону, покровителю города Фивы. Изначально он был Богом воздуха и урожая, творцом мира. Однако культ его достаточно давно слился с культом Бога Солнца, Ра. Его называли Амон-Ра, изображали в виде человека с головой сокола и с солнечным диском. Так что Солнцу он, Ормус, поклонялся изначально.

Именно в долине Нила, где Ормус служил Амону, когда-то родилось стремление к единовластию. К поклонению одному Богу, который был бы Богом всего египетского народа, живущего на всём пространстве разрозненной, полупустынной страны. Да, неудачная попытка фараона Аменхотепа [2], назвавшего себя Эхнатомом в честь введенного им всеобщего и обязательного единого культа Атона, Бога Солнца, провалилась. И культы старых богов после его смерти были восстановлены, однако мысль не забылась. При том, что её гнали, преследовали как могли, вытравляя из памяти народа всё, что могло касаться Атона. Даже самые влиятель-

ные жреческие группировки не могли сейчас рассчитывать на единовластие. Но мечтать о нём и стараться приблизить возможность такого единовластия – могли.

Ормус был тайным посланником одной из этих группировок в Иудею. Именно там сложилась сейчас возможность ввести культ нового Бога. Иудея – страна, где сейчас сотни фанатиков разного толка бросаются из крайности в крайность, пытаясь найти божественную правду. Страна под властью римлян, ненавидимых народом. Но, в отличие от Египта, это не истощенная тысячелетиями власти фараонов и тирании жрецов земля.

– Ормус, я хочу, чтобы ты понимал, в чём отличие между Египтом и теми странами, куда ты поедешь. И понимал очень ясно, – говорил ему Херихор, прощаясь. Лишь пальмы растут в песке, но большинство плододарящих растений требует от возделывателя богатой почвы и много воды. Если уподобить Египет почве... то это мёртвая, истощенная почва, как бы ни тяжело было мне в этом тебе признаваться, а тебе – слушать. Мы давно подчиняемся инородным властителям, меняя одного на другого, и это не вызывает в нас восторга, но что страшно – не вызывает и возмущения. Потеряв волю к сопротивлению, мы неуклонно уменьшаем в численности. Когда-то тысячи тысяч участвовали в праздновании Опет [3] в Фивах. Теперь – едва ли две-три сотни. После того, как здесь побывали ассирийцы, Амон лишился своего высокого положения, никто не хочет восстанавливать разрушенные храмы. Мы подняли Амона на пьедестал, и всё ещё иногда славим его, но тебе ли не знать, что это – лишь видимость. А ведь Амон-Ра не стал другим Богом, и урожай мы продолжаем собирать, только праздновать сбор урожая некому. Мы умираем, Ормус, и умираем не в последнюю очередь оттого, что не объединены одним стремлением, одним Богом, который был бы не только Богом жрецов, но Богом нашего единого народа.

– Однако у римлян тоже множество богов, но они живут, и полмира под ними, завоевателями и господами вселенной!

– Их Боги моложе наших, Ормус. И не отягощены кровью людей в такой мере, как наши. Они тоже гnevаются порой, и даже мечтают молнии. На то они Боги, чтобы гневаться на нас. Но при всём при этом, Боги римлян светлее и добрее наших. Они очеловечены, Ормус. Римляне строят все храмы на высоких местах, где много тепла и света. А наши Боги так часто прячутся в подземельях и лабиринтах, так угнетающе мрачны. Здесь, в Фивах, всё ещё служат Себеку. И приносят ему человеческие жертвы. Ты участвовал в служении Себеку, не так ли?

Ормус содрогнулся при этом воспоминании. Не крики ужаса и мольбы о пощаде, не каменные давящие своды подземелья, к тому же снижающиеся к месту, где привязанная, извивающаяся жертва ждала своего часа, оставили в его душе самый тяжкий след. Он давно научился убивать, и подземелья были знакомы ему, пусть и ненавидимы. А само мерзкое животное, огромный зухос [4], намертво сцепляющий зубы на теле. Бессмысленный взгляд выпученных глаз, скользкая кожа. А эта тёмная, чёрная в свете факелов вода, куда он утаскивал жертву! Это равнодушие жрецов, посылающих собрата своего в пасть животному, которое не могло быть Богом, конечно, а было только тем, чем было – хищным животным, прикормленным жрецами человеческим мясом.

– Видишь, Ормус, я прав. Мы исчерпали милосердие Бога, единственного Бога – творца, который, конечно, существует. И конечно, не может быть ни Себеком, ни Сетом, убивающим брата своего, Осириса. Ни соколом, ни быком, ни шакалом, нет! Мы истощили свой народ, бесконечно пугая его, обманывая, сбивая с истинного пути. Мы давали ему тысячи ликов одного Бога, каждый из этих ликов называя Богом. И продолжалось это тысячелетия. Теперь уже поздно, говорю я тебе, начинать здесь, в Египте. Но даже если не так, то тем более надо попробовать что-то сделать, опыт пригодится впоследствии. В Риме пришли к мысли о единобожии. Там хотят начать с Иудеи. Они просили послать им того, кто посвящён, кто знает. Я не вижу никого другого, столь подходящего к этой роли, главное – подготовленного.

Ормус отвлекся от своих воспоминаний. Взмах правой рукой, поворот корпуса влево. Взмах левой, поворот корпуса вправо. Отточенное в Александрии умение детства, плавание. Радость напрягаемому телу. Голубое небо над головой, синее море внизу. Вода тёплая и прозрачная. Чайки над волной, охотятся на рыб. Вот одна камнем упала на воду, почти нырнула, а взлетела уже с серебристой рыбкой, удачливая. Впрочем, здесь им, чайкам, еды всегда хватает. Вот проплыла стайка рыб, абсолютно чёрных, с хвостом в белую полосу. Они часто сопровождают пловцов в их пути, кто же их знает – почему. Но не все здесь так строги в одежаниях. Великолепны порхающие в толще воды рыбы-бабочки, или встречающаяся на рифах великолепная особь с иссиня-фиолетовым телом и желтыми плавниками. А встреча с огромной рыбиной, у которой большущие рот и зубы, памятная ему с детства, могла бы напугать не только ребенка, каким он тогда был. Радость узнавания родного, пришедшего из детства, владела Ормусом.

Позади Ормуса на длинной веревке, привязанной к поясу, плыл его скарб, на небольшом плотике из верблюжьей шкуры. Здесь была его одежда, несколько лепёшек, бурдюк с водой, деревянный посох, достаточно массивный и могущий служить при случае оружием, драгоценные камни в мешочке. И посох странника, и камни были подарком Херихора. Старик расстрогался на прощанье. К великому удивлению Ормуса, покровитель провожал его с глазами, полными слез. Ещё больше Ормуса удивило собственное желание непременно когда-нибудь увидеть ещё этого человека, так круто изменившего его предназначение в этой жизни.

Ормус в который раз нащупал на поясе свои ножи. К голоду, холоду, жаре и прочим неудобствам он был привычен. Но переплыть море или идти по пустыне и по горам в одиночестве и без оружия было бы невозможно. Да он и привык к ним, и чувствовал бы себя просто беспомощным без привычных атрибутов стража Долины Царей.

А вот встреча с родными и близкими не вызвала тех чувств, которые должны были бы возникнуть, вновь задумался Ормус. Он так тосковал по всему, что составляло его жизнь в детстве, все эти годы. Ему снились яркие, цветные сны о прошлом. Снилось мать, надевающая амулет с изображением человеческой руки кому-то из младших на шею. Завязывая узелок, она повторяет магический заговор: «Исида сплела шнурок, Нефтида разгладила его. Он защитит тебя, мой милый малыш, и ты станешь сильным и богатым. Боги будут к тебе добры и оградят от всякого зла. Рты тех, кто произносит заклинания против тебя, будут закрыты... Я знаю их имена, и пусть те, чьих имён я не знаю, тоже пострадают, и немедленно».

Возможность вернуться сюда, дарованная ему судьбой в лице Херихора и его покровителей-римлян, вызвавших Ормуса, открыла жреца. А действительность оказалась куда проще, обыденней. И разочаровала его. Отца уже не было на свете, три года назад он незаметно ушёл во сне. Оставил по-прежнему обремененную детьми мать, поскольку их прибавилось со времён Ормуса, и теперь, как оказалось, у него было ещё трое братьев. Чужие, неугомонные, страшно крикливые подростки, к которым он не мог, да просто не хотел испытывать никаких чувств. Сёстры, которых он помнил, были замужем. Им не было дела до него. У одной уже были свои дети, и забот хватало без гостей. Высохшая мать откровенно боялась чужого и важного господина, каким стал её сын. Правда, он снял её вечную головную боль прикосновением своих рук. И она стала спать по ночам, с его помощью, перестала слушать вечный плеск волн за порогом, когда другие давно спят. Но ближе от этого не стал, скорее ещё непонятнее, а всё непонятное у простых людей, таких, как его мать, вызывает лишь страх и отторжение. Теперь он понимал это ясно. Младший брат, товарищ по играм и проказам, недружелюбно косился в его сторону. Возможно, боялся потерять то, что теперь принадлежало по праву ему одному. Он кормил семью, и, следовательно, был здесь хозяином. Прежними остались лишь море и солнце, и по-прежнему они вызывали у него священный трепет.

Он не сожалел, что выбрал этот путь для достижения цели. Морем, горами, пустыней придет он в Иудею. Смоет с себя груз этих лет, слизь и запахи подземелий, все ужасы пере-

житого. А то, чему он научился, так и останется с ним. И не мертвым грузом воспоминаний. То, чем он владеет, стоит гораздо дороже камней, что в мешочке. Оно бесценно, и потому ему не жаль было подарить брату, обеспокоенному его приездом, четверть содержимого мешочка. Не очень приятно вспоминать, как тот обрадовался. Не просто неприятно, а противно.

Прикосновение к коже живота чего-то гладкого и скользкого вновь отвлекло Ормуса от воспоминаний, он вздрогнул от неожиданности. Ничего, просто рыба-игла. Проплывала мимо, слегка задела и, извиваясь змеей, уже уплывает прочь. Хорошо в своём море, лучше, чем в Александрии. Здесь море держит тебя, лаская. Можно улечься и усесться как угодно. Поболтаться в толще воды, как поплавок. Там, в Александрии, море требует больше усилий во время плавания. И волны там бывают нештучные, нужно умение нырнуть под волну, когдаходишь в море, или вместе с волной, отбросив сопротивление, выбираться на берег. Впрочем, коралловый остров, где можно будет поесть и попить, и отдохнуть перед вторым броском, уже виден вдали. Там будут ему и волны.

По позвоночнику пробежал холодок, потом ему внезапно стало жарко. Запахло тлением, ароматы благовоний разлились в воздухе. Невероятно быстро рассекая воду плавниками, к Ормусу, висящему в воде, приближалась акула.

На этот раз всё было так же и по-другому. Страх предупредил его о приближении опасности, но впервые пришло к нему и полное спокойствие. Он чётко осознал опасность, но почувствовал и какой-то подъём, и даже радостное волнение. Это было испытание, которого он ждал и к которому готовился. И знал, что справится.

Ормус не стал менять своего положения в воде – поплавком. Повадки акулы таковы – она охотится на движущиеся объекты. И запах тоже важен, конечно, отчего же они сбиваются в стаи на воде, почуяв запах крови. Ему приходилось это видеть. Следовало до предела сократить количество движений. Он выхватил нож правой рукой.левой рукой подтянул конец верёвки, подвязанной к плоту. Плот болтался на значительном расстоянии впереди Ормуса, отнесенный течением, пока жрец отдыхал. и на пути следования акулы, за что нужно было бы возблагодарить Атона, если бы оставалось для этого время. А его не было. Он тянул за конец веревки, чтобы плот очевидно двигался в воде. Мгновение – и акула атаковала его, и лишь страж Долины Царей с его невероятной, воспитанной годами ловкостью, хорошо знакомый со страхом и со смертью, вечно идущий по краю, мог успеть раньше акулы с её ужасающей скоростью. Он успел подтянуть плот, пахнувший кожей, поближе к себе. Акула пролетела мимо. Пока она разворачивалась для повторного броска, он подтянул плот значительно ближе к себе, сократив расстояние наполовину. Атака повторилась, и вновь неудача. Ормус подтянул плот предельно близко к себе, это была единственно возможная и последняя попытка выжить. Он дёрнул плот в последнее мгновение атаки, уже поднырнув, и просто подставил нож под её брюхо. Она, несущаяся на страшной скорости, сама довершила начатое Ормусом, вспоров собственное брюхо ножом. Потоки крови окрасили воду, внутренности акулы, остатки пищи – всё это растекалось в воде. Последнее, что видел Ормус перед бешеным броском в сторону острова, осталось самым невероятным воспоминанием его жизни. Возвращающееся к месту атаки морское чудовище пожирало по пути своего следования то, что было содержимым её брюха... Она бросалась на них, на свои же внутренности, расплывшиеся в воде, из стороны в сторону, и это отвлекло её от Ормуса и плота, и, в конечном счёте, спасло ему жизнь.

Он выполз на берег измотанный, но совершенно счастливый. Упал на песок, раскинув руки в стороны. Долго задыхался, хватая воздух открытым ртом, но при этом ещё и смеялся, смеялся до слёз, до кашля, насколько позволяли жаждущие воздуха лёгкие. Такого счастья ему не приходилось испытывать ещё никогда. Не просто сделанная хорошо работа, нет. То, что удалось ему, могло быть сделано только им. И оно было совершенным – как море, как солнце... как жизнь, когда она наполнена смыслом. А его жизнь была теперь наполнена смыслом, как никогда.

Там, довольно далеко от берега – Атон великий, как он успел сюда так быстро, теперь это казалось немислимым! – возле погибшей акулы вода бурлила от плавников. Сородичи пожирали её останки. Он вдруг и сам почувствовал голод. Неудивительно, не ел с вечера. Не хотел перегружаться перед заплывом. Нужны были легкость и быстрота, и они действительно емугодились, пожалуй.

Ормус поискал глазами свой плот. Он помнил, что прежде, чем упасть, подтащил его на берег. Мало ли охотников на его нехитрый скарб. То, что он увидел, почему-то не удивило, а возмутило его до глубины души. На плотике, устроившись поудобней, сидел Страх. Он держал в руках диковинный инструмент, наподобие дудки или свирели, играл, улыбался, но звука не было слышно, по крайней мере, жрецу, сам-то Страх даже ножкой козлиной, свешивающейся с плота, покачивал в такт. Летящие в воздухе когтистые лапы сами по себе, Страх сам по себе. Инструмент плывет в воздухе, едва удерживаемый. И ни тебе темноты, ни подземелий, ни вечного запаха тления. Всё при свете дня, наяву. Солнце ещё светит, а на берегу, смешно удерживая ногу на весу, стоит белая цапля. Ормус закрыл глаза, потер их чувствительно, чтобы опомнились. С опаской открыл их снова. Играет, улыбается, он всё ещё здесь! Окончательно выведенный из себя Ормус вскочил, схватил горсть песка поувесистей, швырнул. Видение рассыпалось на осколки, но в воздухе несколько мгновений оставались лапы и дудочка. Цапля, правда, осталась насовсем, но, несколько встревоженная поведением Ормуса, поменяла местоположение на новое. Подальше от незнакомцев, швыряющихся песком.

Он не стал продолжать своё плавание в этот день. Оставалось чуть меньше половины проделанного пути. Нужно было отдохнуть и выспаться, и он с удовольствием это осуществил.

Утром, уплывая с острова, он встретился со стайкой дельфинов. Они сопровождали его почти весь путь, не приближаясь слишком близко, но и не отдаваясь. Они отдыхали с ним, когда он прерывал свой заплыв, развлекая своими прыжками, и двигались в путь вместе с ним. Ещё одним свидетельством благосклонности Атона счёл это Ормус. И ощущение избранности своей вынес на берег. Впереди лежала пустыня...

Глава 3. Путь

«Вот, Господь восседает на облаке легком, и грядёт в Египет. И потрясутся от лица Его идолы Египетские, и сердце Египта растает в нём. Я вооружу египтян против египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом и царство с царством. И дух Египта изнеможет в нём... И оскудеют реки. И каналы египетские обмелеют и высохнут; камыш и тростник завянут. Поля при реке, по берегам реки, и всё, посеянное при реке, засохнет, развеется и исчезнет. И восплачут рыбаки, и возрыдают все, бросающие уду в реку, и ставящие сети в воде впадут в уныние. И будут в смущении обрабатывающие лен и ткачи белых полотен. И будут сокрушены сети, и все, кто содержат садки для живой рыбы, упадут в духе...» [1]

«Ибо сей день у Господа Бога Саваофа есть день отмщения» [2].

Ормус возмущённо фыркнул. Нога жреца несколько дней назад ступила на землю, куда когда-то ушли из Египта предки нынешних израильтян. Ормус переплыл Чермное море. В селении на берегу, похожем, как брат-близнец, на родное рыбацкое поселение, в условленном месте, нашёл человека по имени Иосия. Посланника из самого Иерусалима, слугу тех, кому собирался служить сам отныне. Свиток, который он держал сейчас в руках, тоже был послан из Иерусалима, вместе со многими другими. Ормусу, избравшему столь странный путь в Иудею, грозивший опасностями и смертью, давали возможность отдохнуть. Но, чтобы времяпрепровождение не было бесцельным, ему прислали свитки. В них, заботливо переписанные писцом, содержались сведения о его родной стране, всё, что можно было почерпнуть из преданий и древних книг о Египте, об отношениях двух стран, о народах Египта и Израиля. Со вчерашнего дня он читал, раздумывал, оценивал. И фыркал – то злобно, то насмешливо, то даже весело. Вызывая недоумение молчаливого посланца, которое тот не осмелился бы высказать вслух, но оно очевидно читалось в глазах.

Право, нельзя же быть столь злопамятным, вспоминая дела минувшие. Возможно, евреям в давние времена действительно досталось в Египте немало горя, и нелёгко был их путь из страны многих богов. И суров был к ним их могучий поводырь – Моисей. И не давал он им покоя и отдыха в течение сорока лет, выдавливая из них многовековое рабство, понукаемый сам неумолимым Богом. Но от того времени немало воды унёс Нил. От Исайи и Иеремии до Моисея – пропасть веков, однако живёт же столь долго неугасимая, страстная ненависть одного народа к другому. Если уж быть справедливым, то ассирийское владычество, которое предрекали и описывали еврейские пророки, действительно немало горя принесло Египту. Почти как в пророчестве Исайи. Слава оставила Фивы и больше туда не возвращалась. Пророк Наум говорит о городе Амон-Ра: «переселён, пошёл в плен, даже и младенцы его разбиты на перекрёстках всех улиц, а о знатных его бросали жребий, и все вельможи его окованы цепями». Но, если дух Египта и изнемог в нём, то что же говорить об Иудее и других израильских землях? Вавилонское пленение, потеря десяти колен израилевых, падение Иудейского царства... стёртый с лица земли Иерусалим, наконец.

Два соседствующих, живших рядом народа. Один поистине может считать своим началом жизнь посреди другого, ибо тогда, в Египте, размножились евреи, как песок на берегу. До того были народом из нескольких семей. Не так уж плохо жилось им в Египте, раз пришлось фараону подумать о сокращении их численности. Странны и непостижимы пути богов. Почему, живя рядом, дыша одним воздухом, поедая одну и ту же пищу, сочетая браком сыновей своих и дочерей, не сливаются народы в единые? Что мешает объединению?

Напряженный и даже напуганный Иосия принёс Ормусу поесть, перебил плавное течение мыслей жреца. Немного жареной рыбы, вот и всё, что он мог найти у местных жителей. Новый хозяин вызывал у Иосии суеверный страх. Малый уже не раз пожалел о том, что согла-

сился проводить этого человека в Иерусалим. Этот сам проводит кого и куда угодно. Стоило ли предпринимать путешествие в обход обычных дорог, многими дорожными неприятностями разжиться, терпеть неприязненные взгляды рыбаков в течение месяца ожидания за то, вобщем, небольшое вознаграждение, что ему предложили? Места здесь суровые, дышит в лицо здешним жителям дикая пустыня. И сами они дикие. Неприрученные. Это не богатая, красивая и ухоженная Александрия. Там так неплохо живется его родному народу, уж не хуже, чем в самом Иерусалиме. А здесь на него, Иосию, косятся недобро. Здесь он чужой. Как пророк Моисей и ведомые им предки. Здесь, в этих местах, всё ещё, кажется, помнят исход евреев. И они – по-прежнему преследуемые беглецы. Во всяком случае, так чувствует себя Иосия.

А ведь все эти места, да и многие, многие другие на земле, принадлежат теперь Риму. Нет для Рима чужих земель и народов. Всё теперь римское, всё романское. Пора бы успокоиться и здешним жителям, да и его, Иосии, соотечественникам в Иерусалиме и прочих израильских городах и селениях. Но нет покоя человеку во все дни его жизни. Вот и Иосию занесло далеко от дома... Ну что ж, во дни благополучия следует пользоваться благом, во дни несчастья – размышлять и надеяться. И то, и другое создал Бог для человека.

Ормус нехотя пожевал. Остатки отдал Иосии. Еда мешала размышлениям. А ему следовало поразмышлять и подготовить дух. Впереди – снова пустыня. Уж не думают ли его покровители, что в дальний путь соберётся Ормус вместе с этим перепуганным насмерть евреем? Да пойдет в обход, по местам обитаемым? Пора бы догадаться, что не легких путей ищет египетский жрец.

Да только Ормус настроился придти в Иудею, столь желанную евреям, той дорогой, какую пришли они сами когда-то. Он хочет почувствовать их сердцем, душой, понять их, рабов, беглецов и изгоев. Вдохнув ноздрями воздух, которым дышали они, Ормус наполнит нутро и частицами их веры. Веры в великого, единственного, непостижимого и вездесущего Бога. Он взглянет на пустыню с вершины какой-нибудь горы. Увидит восход солнца. Пройдет между скализвилистой тропой. Звёзды выведут его к Иерусалиму. Звёзды не люди, они не обманут и не предадут.

Но до того – Ормус постигнет многое. Он, Ормус, станет евреем Рабом, беглецом и изгоем. Подданным Того, Кто сказал ни в чём не уверенному Моисею: «Я есмь Сущий... так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам». (хаабиру, как называли их в Египте).

«Ты так красив, мальчик мой, так хорош! Не первого тебя я родила любимому мужу, но первым стал ты в то мгновение, когда родился. Разве не более любит мать именно то дитя, которого грозит жестокая судьба вырвать у неё из рук? Ничто не угрожает моему Аарону, и Мариам моя будет жива и здорова. Только тебя, сердце души моей, велено мне бросить в реку. Погубить тебя возжелал всемогущий фараон. Но не утрашусь я повеления фараона, и смерти своей не утрашусь. Ради тебя, мой малыш, чьи глазки смотрят на меня так осмысленно, словно всё понимают, – а ведь ты всего трёх месяцев от роду, мне ли, несчастной матери, этого не знать! – ради тебя не пожалею их всех. И Амрама, и Аарона, и Мариам... Спасу тебя, маленький мой, не бросит тебя мать... Ты уже сейчас смел и мужественен, за эти три месяца никто не слышал твоего крика, словно ты знал, что погубишь свою семью, и молчал... Улыбаясь, встречаешь ты мир вокруг себя. Неужто не улыбнется мир тебе? Господи Всемогущий, Бог Израиля, Бог отцов наших, спаси его от лютой смерти! Я посвящаю тебе моего сына. Воздвигни Избавителя для народа Своего, пусть будет нелёгко и тернист путь моего мальчика. Только бы был он жив! Неужели нельзя умереть мне, несчастной, во имя его жизни?»

– Иеховеда!

Голос Амрама мягок, но в нём упрек. Не хочет Иеховеда оторвать от груди свое дитя, да и Амрам стыдится это сделать. Но жестокая необходимость торопит. Нет больше возможности скрывать. Соседи, видевшие женщину тяжёлой, промолчали. И Инту, и Хампи, и их болтливые жёны не приблизились к дому, не спросили, кем разрешилась от бремени супруга Амрама. У них разные боги, это правда, но совесть – одна. Во всех семьях есть дети, и каждая женщина-мать не согласна в душе с жестоким приказом. Можно ли бросить дитя, ни в чём не повинное, несмышленное, в реку, обречь на смерть в водах? Кто выше на этой земле – фараон ли, гневающиеся ли на страшное преступление боги?

Но фараон и его надсмотрщики – ближе. И если пока все соседи молчат, то рано или поздно могут найтись желающие говорить, не ближние, так дальние. Допустим, можно сказать, что ребёнок умер. Иеховеда не звала повитух, она не в первый раз рожает, справилась. Но ведь ребёнок вырастет, и его уже не спрячешь. Он вырвется на волю рано или поздно. И гнев фараона обрушится на семью Амрама. И на промолчавших соседей. Будь он, Амрам, на их месте, он бы, наверное, не промолчал. Страшен гнев фараона. А жена, дети, они свои, родные, они дороже соседей и их отпрысков. Это своя плоть и кровь, своя, родная, жизнь. Ох, не надо ждать дня, когда соседи донесут...

Корзина из тростника сплетена. Амрам обмазал её липким илом, покрыл смолой. Вода не пройдёт. Немало у берегов Нила вечером, ища прохлады после знойного дня, прогуливается египетской знати. И слуги их тоже. Быть может, маленькому Моше, мальчику, повезёт? Кто-то сжалится над ребёнком, которого помиловали сами боги, не позволили утонуть в его маленькой плавучей колыбели. Пусть подумают так, что воды реки принесли ребенка издалека, и прибили в камыши возле берега. Так отвести подозрение от своей семьи легче. А египтяне суеверны. Коли великий Нил и боги пожалели мальчика, так тому и быть, решат они.

– Иеховеда!

Голос мужа приобрел теперь силу камня. Он протянул к ней руки. Рыдая беззвучно, она передала мужу ребенка. В дверях мелькнула тень десятилетней Мариам, истинной помощницы матери, скорее её подруги, нежели дочери.

– Мариам! – успела обратиться к ней мать, прежде чем свет померк в её глазах, и благодатное беспмятство обрушилось на несчастную.

«Забавно, – думал Ормус. Трудно поверить во все эти приключения. Соседние с Египтом племена, используемые нами на принудительных работах, возможно, действительно включали в себя евреев. Но представить себе, что потомки Ефрема и Манассии, а затем и Венеамина, размножились в Египте так, как записано в этих свитках, что численностью своей напугали фараона, невозможно. Хотя... Трудно представить себе напуганного евреями Рамзеса Второго. Фараон оставил своему преемнику государство, представлявшее основную силу в мире. Сети Меренпта, сын Рамзеса, тоже был неслаб. Я видел на стеле в Фивах запись о военной кампании Сети. Среди покорённых народов упоминаются дети Израиля. Прославляется победа над Изирааль и говорится об истреблении его семени... Итак, при Меренпте израильские племена уже осели в Ханаане, уже ушли из Египта, были «истреблены». Но до того, до того было безвременье. Гибель восемнадцатой династии. Период разброда, слабости фараонов. И – исхода? Напуганные фараоны – это похоже на правду, пожалуй. После царствования Эхнатона, так жёстко введившего веру в единого Бога, целая плеяда быстро сменявших друг друга на троне слабых. Сменхкара, Тутанхамон, Аи, наконец, Хоремхеб. Уже Хоремхеб восстановил порядок. Итак, уходили евреи после смерти Эхнатона, в период ослабления Египта.

Крик матери, упавшей замертво послетого, как отец забрал брата из её рук, долго стоял у девочки в ушах. Она и без того не посмела бы оставить брата.

Но жалость к бедной матери своей придавала ей больше сил. Уж вечер, и скоро ночь. Мариам будет прогуливаться по берегу недалеко от корзинки столько, сколько понадобится. Пусть ночь, пусть ещё день пройдут. Плохо, что Моше такой спокойный. Он никогда не плачет, он такой весёлый малыш. А вдруг его не увидят в камышах? «Поплачь, пожалуйста, мальчик. Я слышу голоса впервые за этот день. Может, мама перестанет плакать, когда заплачешь ты? А ты обретишь себе дом, в котором за тебя не придётся опасаться. Женщина в чудесных одеждах приближается к тебе вместе с сопровождающими её прислужницами. Её лицо так красиво, она не может не быть добра. Плачь, Моше, кричи!».

Быть может, голоса людей привлекли внимание ребёнка. Может быть, голод, который мучил его с раннего утра, взял своё. Он был спокойным и весёлым малышом, но ведь до сих пор его кормили, и обмывали, и он был сухим, а теперь всё не так! Нет крыши дома над головой, так много света, и за целый день никто не склонился над ним с нежной улыбкой, не говорил ему ласково что-то на непонятном, зато приятно звучащем языке. Моше излил своё возмущение громким криком!

«Над тростниковой колыбелью склонила лицо своё женщина в чудесных одеяниях. Сострадание в её чертах, и жалость. Не может быть, чтобы она не была добра. Что-то шепчет она брату моему на языке этой страны. Плачь, Моше, кричи! Если будешь плакать ты, может, нам больше не придется рыдать».

– Возьмите ребенка! – послышался нежный голос той, что ласкала дитя в колыбели.

Мариам кинулась к женщине. Её отшвырнул приближенный, но возмущённый окрик прекрасной его хозяйки остановил. Ничего, Мариам, потерпи, пусть больно. Брату твоему улыбнулась судьба.

– Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из еврейнок, чтобы она вскормила тебе младенца?

Облачко пробежало по лицу прекрасной. Быть может, она что-то и поняла.

«Не из простых эта женщина, и многое доступно её разуму. Но не может быть, не может быть, чтоб не была она добра».

Рука женщины опустилась на плечо Мариам.

– Будь по-твоему, – сказала она. Найди мне кормилицу, а я дам ей плату.

Ормус ненавидел низкие стены гробниц. Не любил и высокие стены храмов. Он вообще не терпел ограниченной линии горизонта. В день, когда решил уйти, он ушел.

– Вернись туда, откуда ты пришел, малый, – сказал он ошеломленному Иосии. Спасибо за свитки, и за серебреники тоже. Отныне дороги наши расходятся.

– Но разве господин мой знает пути, и законы, и людей по той дороге, что приведёт его в Иерусалим? Долог путь до моей страны, и велики опасности. Я знаю, как следует идти...

– Что можешь знать ты о моей дороге? Глупец укорачивает дни, удлиняя дорогу. Я пойду один, как всегда.

Он швырнул, не считая, горсть денег из тех, что передал ему Иосия. И долго ошеломлённый Иосия смотрел вслед жрецу, несшему свой нехитрый скарб на спине. Удалявшемуся в сторону пустыни...

Он нашёл эту пустыню странной, но прекрасной. Большая часть её состояла отнюдь не из песка. Это было нагромождение скал. Местами даже не скал, а гор. Цепи гор, безжизненных, каменистых. Но при этом проникнутых удивительной красотой. Его, привычного к величию храмов, в этой пустыне восхитило бесконечное разнообразие Божьего замысла и строительного дара. Вот гряда белых, ослепительно белых скал. Над нею – почти тех же очертаний гряда каменисто-жёлтых. В их толще, ближе к вершине, изломанной линией, на одной примерно высоте – багровые полосы, идущие горизонтально. Рядом – скалы нежно-розового

оттенка. На заре и на закате все эти цепи приобретали один, именно этот, розовый, цвет. Его тёплый оттенок был цветом самой жизни, насыщенной, побеждающей. И Ормус потерялся в этих горах, не спеша выбраться.

Глава 4. В скалистом безмолвии

Сыночек мой, спасённый Господом! Как убережешь мне тебя от худшего в жизни твоей, от истинной гибели? В доме фараона – соблазны, а значит, и грех. Золотом крыты чертоги дворца, и блеском белых камней, и великолепием одежд фараона и его подданных увлекает он тебя, я-то знаю. Как отвратить тебя от всего того, что ласкает взор, опьяняет, превозносит твою долю, а душу – губит?

Я расскажу тебе о Боге живом, о единственном в мире Боге. Всё, что не временно в этом мире, как мы с тобой, сын, всё, что убежит от тления – это Он. Желтый песок пустыни, быть может, это глаза Его? Скалистые горы там, вдали – Его волосы, а небо, простёртое над головой – Его душа... Мы не знаем, где Он и каков на самом деле, нам не дано этого понять. Но всё, что нетленно, и сохранится вечно, это – Он. Он вездесущ, Моше, он повсюду. Он есть в тебе и во мне, в каждом существе живет его частица. Он велик, мой мальчик, и грозен. Не может быть человек перед Лицем Его – и уцелеть, убережешься от смерти. Но, если Он захочет, то явит кротость свою. В лазоревых волнах моря, в горах ли, в пустыне, там, где Он этого захочет – настигнет человека. Помилует ли? Убьет ли? То от тебя зависит, сынок. Ходи под Ним без греха, так, как Он того хочет. И возвеличит тебя Господь, сделает первым среди своих слуг. Что пред этим дары фараона? Прах – фараон, и дочь его, и всё их богатство, и власть их, временная, ничтожная. Слушай душу свою, Моше. Слушай свою мать, она не обманет...

Ормус затерялся в этих пустынных горах. Он упивался разноцветьем скал, чистотой небывалых их красок. Тропинки между возносящимися к небу кручами. Изломы скал, каждый – неповторим. Кучи осыпающихся камней. Разнообразие жёлтого цвета. Почти белый, едва отдающий желтизной. Рыжий, огненно-рыжий. Почти коричневый. Розовато-жёлтый. И всё это – под голубым, местами синим, бездонным небом. Редкое облако на нём являет миру своё понимание цвета. Звёзды, нависая над головой, ночами светят жёлтым и синим...

Ормус был опьянён. Он был очарован. Он поднимался на скалы – просто так, уходя в сторону от намеченного пути. Становился ближе к небу и звёздам. Потом спускался вниз и мерил шагами тропинки меж валунов. Подолгу рассматривал какой-нибудь камешек. Блестящие включения в толще камня. Иногда – образующие множество окружностей, одна в другой. Иногда в сердце разбитого камня были треугольники. Многоугольники. Попадались цельные камни. Но ни одного, что был бы повторением другого...

От кормилицы возвращался Мозе довольно поздно. Он ввёл этот обычай – раз в неделю, порой два, навещать своих родных в убогом домишке. Кормилица не захотела сделать своё существование более сносным, она противилась его желанию помочь семье со страстью, бывшей чем-то большим, нежели просто упрямство.

– Моше, сыночек, – говорила она в ответ на его уговоры, – я знаю своё место. Он – здесь, среди моего обреченного народа. Даже мои соседи-египтяне здесь бедны и убоги, как я сама. В сердце бедняка поселяется Господь, Он – его надежда. У богатого другая надежда, это – его деньги. Что мне фараоновы чертоги, если здесь, в нашем селении, Бога больше? Выбери, Моше, Бога, и жить будет легче.

Он знал, что Бог обитает здесь, в этих развалинах, но дорога к нему даже для усыновлённого внука фараона закрыта. «Силы за тронном» не позволят ему уронить своё лицо. Уронив, он лишится не власти – к ней его не допустят во всех случаях, но самой жизни. Слишком много глаз наблюдает за ним, слишком много ушей прислушивается к тому, что он скажет, и, в конце концов, все они следят за тем, что он сделает. Он не склонялся к тому, чтобы стать жрецом, несмотря на требования

фараона. Он просил отсрочки, и чего-то неясного, туманного ждал. Вызывая крайнее неудовольствие дочери фараона, названной матери своей, раз в неделю или два посещал бывшую кормилицу – еврейку.

В этот раз возвращался он довольно поздно. Возле одного из домов заметил городских стражников. Их было трое.

«Ховав, гончар, – пронеслась мысль у Мозе. – Он такой спокойный, молчаливый. Всегда за работой. Прокормить надо многих: мать, жену, Дину, когда-то очень красивую, теперь усталую, состарившуюся в хлопотах, мать четверых детей, из которых трое мальчиков». Стражники вошли в дом.

«А когда-то сам был мальчиком, – вспоминал Мозе. Тогда Ховав был весел и криклив, и чаще улыбался. Вместе росли, пока меня не сочли нужным забрать к фараону. Хорошее было время. Радостное. Однако, что понадобилось в доме у Ховава стражникам?».

Он поближе подошёл к порогу. Все остальные дома в округе казались вымершими. Ни звуков, ни отблесков света. А ведь вечерет, и обычно в это время уже зажигают светильники.

«Чего они боятся? В чем могут быть повинны рабы, знающие одно – работу? Что ищут стражники в домах, где единственное сокровище – вечно голодные, шумные дети...».

А дети действительно шумные. И Дина под стать им, орет и воет. Кажется, ещё один голос, женский. Мать?

– Оставьте, оставьте его мне! Оставьте мне сына... Ховав, что делать мне с детьми твоими, стара я, чтобы растить твоих мальчиков, и нет у меня помощи ниоткуда. Оставьте мне сына, убийцы!

– Муж мой! – рвется высокий голос Дины. Не говорила ли я тебе – думай о нас, о наших детях... Господу дела нет до нас, и мы умрём с голоду, несчастный, когда тебя убьют.

Двое стражников оставались в доме, удерживая плачущую, рвущуюся к отцу, мужу и сыну семью. Третий вытолкнул Ховава наружу. Не удержав равновесия, гончар растянулся на земле, прямо у ног Мозе.

– Вставай, падаль! – голос стражника суров. – Где он, твой Бог, теперь, почему не спешит на помощь? Вставай!

Гончар, который, упав на землю, по-видимому, расшибся, не может одняться сразу. Он оглушен и растерян. Мельком замечает Мозе страдальческий взгляд, руку в крови.

Задержка окончательно выводит стражника из себя.

– Да вставай же, говорю тебе! – И длинный посох стражника опускается на распротёртое в пыли тело. Раз, другой, третий... Глухие вскрики Ховава рвут душу Мозе.

– Остановись, слуга фараонов! – взывает он к стражнику. Что сделал тебе тот человек? Разве какая-то вина его доказана, что ты так жесток, и избиваешь его ни за что? Остановись!

Вмешательство Мозе только распаляет стража. Не глядя на Мозе, не замечая его одежды и украшений, не подозревающий ни о чём стражник, войдя во вкус, поднимает и опускает свой посох на худое, не делающее попыток ускользнуть тело. Багровый туман застилает глаза Мозе. Нож, выхваченный из складок одежд, легко находит свое пристанище... Ничего не узнавший о своей смерти стражник роняет посох и падает на землю рядом с гончаром. Из дома по-прежнему доносятся крики, но стражники, по-видимому, уже выходят на порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.